

УДК 271.478

DOI: 10.17223/18572685/34/7

МОЛДАВСКОЕ МОНАШЕСТВО В 1944–1953 гг.: ВНУТРИЦЕРКОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена освещению внутренней жизни монастырей Молдавской ССР в 1944 – 1953 гг. Автор на основе материалов текущей статистики демонстрирует процессы изменения численности монашествующих, характеризует посещаемость монастырских храмов верующими-мирянами, а также уровень их доходности. На конкретных примерах раскрывается суть взаимоотношений между монашескими общинами и их настоятелями, проясняются причины текучести монастырского руководства. В статье показано постепенное снижение набора выполнявшихся монастырями общественных функций, выявлены факторы, способствовавшие сокращению их численности. Сделан вывод о сохранении за монастырями Молдавии к концу рассматриваемого периода лишь специфической функции «спасения от мира» для ограниченного контингента верующих.

Ключевые слова: Молдавия, православие, монастырь, настоятель, приходский храм, епитимья, самоликвидация монастырей.

Moldavian Monasticism in 1944-1953: Inner Church Processes

V.A. Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to report on the inner life of the monasteries in the Moldavian SSR from 1944 to 1953. On the basis of the current material the author demonstrates the processes of the change of the numbers of monastics, characterizes the

attendance of the monastery churches by the believers and also the level of their profit. Concrete examples show the essence of the mutual relations between the monastic communities and their rectors, explaining the reasons for the movement of monastery leadership. Also shown in the article is the gradual lowering of monastery functioning and revealed are the factors which contributed to the reduction of their numbers. It's concluded that during the period under study the specific function of the monastery was «salvation from the world», for only a limited contingent of the believers.

Keywords: Moldavia Orthodoxy Monastery Rector Parish Church Penance Self destruction of the monasteries.

После освобождения Молдавии от фашистских оккупантов в августе 1944 г. в республике осталось в числе действующих 24 монастыря – 15 мужских и 9 женских. Четыре женских и все мужские монастыри были общежительными, оставшиеся женские монастыри – своекоштными (особножительными)¹.

В мужских монастырях подвизалось 416 монашествующих, в женских – 1 107². При этом большинство их обитателей были трудоспособного возраста: мужчины моложе 60 лет составляли 76,5 %, а сестры моложе 55 лет – 68,2 %³.

В рассматриваемый период монастыри по-прежнему пополнялись выходцами из мира. В 1944 г. в них поступило 50 чел., в 1945 г. – 86, в 1946 г. – 45, в 1947 г. – 99, в 1948 г. – 106, в 1950 г. – 15, 1953 г. – 22⁴. На наш взгляд, высокие показатели 1947–1948 гг., когда в обители вступило 12 % от общего числа их насельников, были следствием захлестнувшего республику голода. Неповоротливость местного и центрального аппаратов власти, с опозданием приступивших к решению продовольственного снабжения населенных пунктов, вынуждала людей искать спасения от голодной смерти в монастырях. В последующие годы на сокращение количества желающих стать послушниками свое влияние оказали, по-видимому, такие факторы, как ликвидация безграмотности (завершена к 1950 г.), внедрение всеобщего начального образования (к концу 1948 г.) и создание условий для перехода к семилетней школе. При этом обучение было светским, свободным от религиозного влияния⁵. Сыграла свою роль и сплошная коллективизация в республике, благодаря которой улучшилось благосостояние населения. Помимо этого, на рубеже 1940–1950-х гг. под давлением гражданских органов власти был установлен минимальный возраст (18 лет) для лиц, желавших уйти от мира в монастыри.

Эти же факторы, очевидно, послужили причинами выхода некоторых насельников из обителей. Так, по имеющимся (неполным) данным, в 1946 г. из Курковского монастыря выбыли 2, из Речульского

– 9, из Кицканского – 11 чел.⁶ В течение 1947–1948 гг. монастыри оставили 48 послушников и 22 послушницы⁷. В 1951 г. из мужских монастырей выбыли 59 насельников, из них в родные села вернулись 45 человек. В том же году женские обители покинули 72 сестры, причем 48 из них вернулись к мирской жизни⁸. Как правило, из монастырей уходили молодые послушницы и послушники, которые возвращались к себе домой, обзаводились семьями и более к монашеской жизни не возвращались⁹.

Отток молодежи из православных обителей приводил к постепенному «одряхлению» монашествующих. Например, в монастырях Молдавии в 1950 г. насельников до 18 лет насчитывалось 97, от 19 до 40 лет – 578, от 41 до 55 лет – 397, старше – 594 чел. В 1952 г. по каждой возрастной категории было соответственно 51, 526, 399 и 593 чел. Таким образом, к 1952 г. лишь около 40 % монашествующих пребывало в трудоспособном возрасте¹⁰. Такое положение негативно сказывалось на способности обителей к самообеспечению всем необходимым для существования¹¹.

В рассматриваемый период характерным явлением была текучесть руководящих кадров в монастырях. За 9 лет лишь в 5 обителях не менялись настоятели, а в остальных перемены происходили от 2 до 11 раз. Например, в Добрушском, Каприянском, Курковском и Гинкуловском мужских монастырях настоятелями за этот срок побывало от 5 до 11 человек. Меньше изменений в руководящем составе происходило в женских обителях. Среди них лишь в Каларашевском монастыре, одном из самых малолюдных и бедных среди женских обителей епархии, сменились 4 настоятельницы.

На частую смену настоятелей, вероятно, оказывал свое воздействие их низкий образовательный уровень, не позволявший им адекватно управлять обителями. В нескольких случаях монастыри лишались своих руководителей из-за их ареста. В частности, такая участь постигла трех наместников монастырей: игумена Кицканского монастыря Авксентия (Мунтяну), протосингела Курковского монастыря Макария (Хомицкого) и иеромонаха Злотиевского монастыря Серафима (Дабижу)¹². В ряде случаев епархиальный архиерей был вынужден снимать настоятелей за злоупотребления властью и различные иные нарушения. Например, настоятельница Кошеловского монастыря Аглая (Шербан) была отстранена от руководства обителью и лишена права ношения нагрудного креста, т.к., по утверждению епископа Нектария (Григорьева), «за время [ее. – В.С.] руководства ... монастырь разрушен, расхищен и все в стареции доведены до состояния голых и голодных»¹³. А в Каприянском монастыре двое его настоятелей были отстранены от должности из-за заражения

сифилисом¹⁴. Похожая обстановка наблюдалась и в Гинкульском монастыре. Здесь, по воспоминаниям одного из монашествующих, «настоятель Павел Фрипту и другие главари монастыря постоянно пьянствовали, вели развратный образ жизни, обогащались на доходах, получаемых от хозяйства монастыря»¹⁵.

Одной из наиболее существенных функций монашествующих в рассматриваемый период было проведение богослужений для прихожан и паломников.

В 1945 г. в числе действовавших монастырских храмов числилась 51 церковь¹⁶. Фактически в каждом молдавском монастыре действовало от 1 до 3 церквей. Штат монастырских храмов, как правило, состоял из двух священников, одного диакона и трех псаломщиков¹⁷. В них, в зависимости от установившихся обычаев того или иного монастыря, богослужения совершались по-разному. Например, в Гиржавском монастыре церковные службы проводились по такому распорядку: в 3 часа - утренняя, затем - акафист и литургия. Оканчивались они в 9 часов 30 минут. Трапеза совершалась в 12 часов. Вечерня начиналась в 17 часов¹⁸.

Часть храмов в монастырях не действовала, что было связано с перипетиями прошедшей войны. Например, во время боевых действий в 1941 г. пострадала от пожара большая соборная церковь Св. Вознесения в Кицканском монастыре¹⁹. Из четырех храмов этого монастыря богослужения проводились фактически только в одном – Св. Успения²⁰.

Еще одним тяжелым наследием войны было отсутствие в монастырских церквях чтимых верующими реликвий и необходимой церковной утвари. Так, из того же Кицканского монастыря при отступлении фашистов ушла и часть монашествующих во главе с иеромонахом Венедиктом. Они увезли с собой в Георгиевский скит Калдарашанского монастыря (Румыния) украшенную золотом с бриллиантами икону Божьей Матери (оцененную советской комиссией в 1940 г. в 120 млн руб.), обшитые золотом и драгоценными камнями ризы к ней (стоимостью 50 млн руб.)²¹. Как известно, из Гербовецкого монастыря была вывезена знаменитая чудотворная икона Божьей Матери, из других монастырей оккупанты также забирали много церковных реликвий.

Многие монастырские храмы в послевоенные годы выполняли и функции приходских церквей, поскольку часть священнослужителей-румын сбежала вместе с отступавшими фашистами, многие сельские церкви были приведены в негодность²². В числе монастырей, храмы которых были в то же время и приходскими, упоминаются Кондрицкий (одна из его двух церквей обслуживала 80 дворов

села), Припиченский, Сербештский, Каприянский и другие²³. Среди женских обителей такие же функции выполняли церкви Фрумоского и Сахарнянского монастырей.

В первые послевоенные годы, вплоть до начала сплошной коллективизации в Молдавской ССР, уполномоченный Совета отмечал большую посещаемость церквей верующими всех возрастов и массовое отправление ими религиозных обрядов (крещений, венчаний, погребений, говений и пр.). Храмы городов и сел посещало почти все местное население, в том числе и интеллигенция. В воскресные дни и церковные праздники, как правило, в селах никакие работы не проводились. Например, летом и осенью 1949 г. во время храмовых праздников в Кицканский, Курковский, Цыганештский, Гырбовецкий монастыри, как и в другие, стекались от 2 до 5 тыс. чел. в каждый²⁴.

К 1 мая 1952 г. в 17 монастырях Кишиневско-Молдавской епархии насчитывалось 38 церквей²⁵. К концу 1953 г., после закрытия Курковского и Гиржавского монастырей, в обителях епархии осталось в числе действовавших 33 храма.

Посещаемость их верующими в это время была очень низкой. Уполномоченный сообщал, что в будние дни мирские молящиеся в храмах монастырей фактически отсутствовали (за исключением 2-3 лиц престарелого возраста), в выходные и дни религиозных праздников в каждый монастырь приходили в среднем от 15 до 30 чел. Исключение составляли двенадцатые церковные, храмовые праздники и, безусловно, Пасха, когда в монастырских храмах был наплыв по 100–200 верующих²⁶. Низкая посещаемость монастырских храмов негативно отражалась на доходах обителей, получаемых от деятельности их церквей. Например, в Курковском монастыре церковные доходы складывались исключительно от продажи свечей и просфор (в 1950 г. их было продано на сумму 23 638 руб., в 1951 г. – на 19 976 руб.), т.к. приношения в виде денег, продуктов, скота, ковров и т.д. (что было раньше) отсутствовали²⁷.

Следует отметить, что приток богомольцев к церквам Ново-Нямецкого монастыря был значительно выше, чем в других обителях. Так, в будние дни здесь на службах присутствовали по 10–20 мирян, в воскресные и праздничные дни – до 100 чел. и более, а на Пасху или храмовые праздники приходило свыше 300 чел. Благодаря притоку верующих церковный доход монастыря в 1951 г. составил рекордную для молдавских монастырей сумму – 159 167 руб.²⁸. Одной из причин значительного притока верующих в Кицканский монастырь было отсутствие приходских храмов в близлежащих селах – Кицканы и Копанка. Такая же ситуация наблюдалась в Гировском

монастыре, т. к. в соседнем с ним селе Николаевка не было приходской церкви, и ее функции выполнял один из храмов этой обители²⁹.

Богослужения в монастырях Молдавской ССР проводились, как правило, на молдавском языке, поскольку подавляющее большинство их насельников были молдаванами. Однако определенная специфика сохранялась в женском Вознесенском монастыре с. Жабки, где около 40 монахинь были русскими, еще в 1916 г. переведенными в Бессарабию из Леснинского монастыря (Польша)³⁰. Именно здесь в 1951 г. были отмечены случаи запрета настоятельницей использовать в ходе богослужений церковнославянский язык³¹. Эти действия игуменьи Пахомии (Даскал) вызвали протесты со стороны монашествующих: «За период тридцати четырех лет мы не слышали чтение и пение русское, а теперь нам Всевышний даровал эту радость, но вдруг без никаких причин радость наша от нас отнимается. Хотя мы только один раз в неделю, в зимний период, и слышим, а летом все на работе, за церковь нет когда и вспомнить»³². Неприятно поражает позиция по этому вопросу епископа Нектария, русского по национальности. 12 июня 1951 г. он наложил на эту жалобу такую резолюцию: «Настоятельница с собором разобрать все недоразумения... Если нужно, следует налагать на виновных наказания – вплоть до перемены послушания и удаления из хора»³³.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода сохранялись весьма тесные взаимоотношения монашествующих и прихожан. Это объяснялось, на наш взгляд, с одной стороны – сохранявшейся глубокой религиозностью в среде сельского населения Молдавии, а с другой – родственными узами насельников монастырей³⁴.

Известен случай, когда в 1944 г. местные жители кормили 18 монахов Припиченского монастыря, пока те восстанавливали свою обитель, разрушенную оккупантами, т.к. по возвращении братии из тюрьмы г. Браила (Румыния) в монастыре «ничего не осталось»³⁵.

Однако в большинстве случаев миряне приходили к монашествующим за советами по семейным и хозяйственным вопросам³⁶. Довольно часто местные жители обращались к ним и за врачеванием своих болезней с помощью разрешительной молитвы. Именно такие специфические функции выполняли монахи Гиржавского, Кицканского, Курковского и Сербештского монастырей³⁷.

Кроме благожелательного отношения к монашествующим со стороны местного населения, известны и случаи конфликтов. Как правило, подобные эксцессы, граничившие с уголовщиной, были вызваны вмешательством отдельных лиц советской администрации на местах во внутримонастырскую жизнь. Так, например, уполномоченный наркомата заготовок Колесников с женой и сыном в 1945

г. часто приезжали в Курковский монастырь с требованиями вина и продуктов³⁸. Его сын, не подчиняясь церковным правилам, имел привычку с папиросой заходить в церковь³⁹. Он же уже в Гировском монастыре пытался изнасиловать одну из монашек⁴⁰.

Как свидетельствуют многочисленные документы (жалобы монашествующих, рапорты духовных следователей, информационные сообщения П.Н. Роменского и др.), ровные отношения между настоятелем и братией (или сестричеством) обителей, соблюдение ими монастырских уставов были отнюдь не закономерными явлениями. Распространенными пороками насельников были пьянство и аморальное поведение.

Довольно частыми были уклонение монашествующих от работ в обители и непослушание настоятелям в Припиченском, Кушеловском и др. монастырях⁴¹. Например, братия Кицканского монастыря, не довольная плохой пищей, не хотела работать, поэтому настоятель был вынужден лично выводить монахов на послушания и присутствовать при их выполнении (однако эти меры помогали плохо, осенью 1951 г. по недосмотру сгнило 10 тонн убранных яблок)⁴².

В некоторых обителях духовные следователи устанавливали факты продажи в монастырских храмах свечей т. н. «базарного производства», т. е. изготовленных не на Епархиальном свечном заводе. Примеры таких случаев нам известны по Жабскому, Таборскому и Кицканскому монастырям⁴³.

Как отмечал сам епископ, нравы в монастырях епархии были грубые. Например, монахиня Жабского монастыря Марианна (Черника) во время вечерней молитвы в церкви перед самым алтарем побила слепую монашку только потому, что та нечаянно наступила на ее рясу⁴⁴.

Причины таких действий монашествующих крылись, видимо, в слишком тесной связи монастырей с миром и малообразованности насельников. Помимо этого, по выражению епископа Нектария, отсутствовали интеллигентные силы для перевоспитания, образования и установления нормальной жизни в монастырях.

Для устранения отмеченных нарушений руководство епархии использовало такие меры, как наложение епитимий, запрещение монахиням носить мантии, нагрудные кресты, клобуки, удаление из одних обителей в другие или же вовсе исключение из монастырей⁴⁵. Однако, по его признанию, это давало лишь временный эффект. Кардинального изменения обстановки в монастырях подобные меры дать не могли.

В рассматриваемый период количество монастырей в Молдавии сократилось на 9 обителей, т. е. фактически на треть⁴⁶. В шести слу-

чаях из девяти, как нами установлено, инициаторами закрытия монастырей выступали сами монашеские – настоятели, а также братия или сестричество⁴⁷.

Среди причин ликвидации обителей фигурировали две главных – трудности их хозяйственной жизни и аморальное поведение насельников. Для примера приведем выдержку из письма епископа Нектария о причинах закрытия Гинкуловского монастыря: «...Я поручил сделать дополнительное обследование, каким было установлено следующее: монастырские строения, жилые и нежилые, в большом запустении. ...Пахотной земли в монастыре, кроме виноградника и огорода, имеется 15 га, но из-за малочисленности трудоспособной братии монастырь обработать эту землю полностью и рационально не может. ...На 15 августа с.г. монастырская касса не имеет в наличии ни 1 рубля, кроме долгов. ...Еще в 1947 г. настоятелем Гинкульского монастыря было возбуждено ходатайство о слиянии вверенного ему монастыря с Гербовецким мужским монастырем, и как причины такой просьбы указывались: 1) малочисленность насельников монастыря; 2) невозможность собственными силами обработать монастырскую землю, сад и виноградник; 3) отсутствие средств на восстановление жилых помещений монастыря, требующих неотложного ремонта; 4) моральное разложение братии монастыря, покидавшей самочинно монастырь, и полное неподчинение монастырскому уставу жизни. Пьянство и разврат некоторых членов монастырской братии стали неискоренимым злом и соблазном для верующих. ...Действительно, за период времени с 1949 по 1950 г. по разным причинам из Гинкульского монастыря убыло 20 человек и на сегодняшний день в м-ре остались 23 человека, из которых 11 человек – в возрасте свыше 50 лет. Также за период с 1945 по 1949 г. сменилось 7 человек-настоятелей, а с 1949 г. по настоящее время – 4 настоятеля»⁴⁸.

При этом необходимо отметить, что фактически монастыри полностью не ликвидировались, происходило слияние слабых в экономическом отношении обителей с более сильными. Так, во время закрытия Фрумосского монастыря монахини были переведены в Гировский⁴⁹. Насельники самоупразднившихся мужских обителей были объединены с братьями Добрушского, Гербовецкого, Киприанского, Курковского, Сурученского и других монастырей⁵⁰. Церковь теряла лишь материальную составляющую – земельные владения и монастырские здания. Количество монашеских в результате сокращения числа монастырей менялось незначительно. Например, осенью 1953 г. при закрытии Курковского монастыря из 53 насельников в другие обители перешли 40 человек⁵¹.

Будучи включенными в советскую общественную систему, монастыри Молдавии значительно сократили число выполнявшихся ими социальных функций. В частности, если ранее они играли заметную роль в культурной жизни Бессарабии, обучая крестьянских детей в монастырских школах, поддерживая традиции иконописи в своих художественных мастерских и пр., то с восстановлением в республике советских институтов они, как и церковь в целом, оказались отделены от образовательной системы, стали чуждыми элементами для социалистического искусства. Последовательно проводимая советскими организациями линия по атеистическому воспитанию молодежи, ликвидация безграмотности среди взрослого населения и улучшение материального благосостояния жителей республики также сужали социальную опору церкви. Многочисленные нарушения монашескими традиций и обетов, прежде всего со стороны руководителей обителей, отсутствие среди них ярких проповедников и подвижников православия также обусловили сравнительно небольшой приток желающих поступать на послушание в монастыри. Эти же факторы, как и отсутствие в обителях чтимых верующими святынь, негативно сказались на привлекательности местных обителей для паломников как из самой Молдавии, так и из других республик Советского Союза.

Фактически в рассматриваемое время монастыри Молдавии продолжали выполнять лишь свои прямые функции: они были местом «спасения от мира» для искренне верующих, удовлетворяли религиозные потребности мирян (как в своих собственных церквях, так и в сельских приходах), служили исправительными учреждениями для лиц, совершивших церковные преступления.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 18. Л. 95.
2. Там же. Л. 101.
3. Там же. Л. 117.
4. *Иосиф (Павлинчук)*. Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004. С. 219, 231, 295; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 74. Л. 4.
5. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 278.
6. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 2. Д. 351. Л. 175; Там же. Д. 354. Л. 20 (об); Там же. Д. 356. Л. 46.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 74. Л. 4.

8. Там же. Д. 86. Л. 16.
9. Там же. Д. 74. Л. 4.
10. *Пасат В.* Трудные страницы истории. Кишинев, 2000. С. 340.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 74. Л. 10.
12. *Ириной (Тафуны).* История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь, 2004. С. 94; *Иосиф (Павлинчук).* Указ. соч. С. 278, 279.
13. Архив Молдавской митрополии (АММ). Дело Аглаи Шербан. Письмо настоятельнице Кошеловского монастыря игуменье Пахомии Даскал от 10 апреля 1953 г.
14. ГАРФ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 74. Л. 17.
15. Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев, 1969. С. 255.
16. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 75. Л. 53а.
17. Там же. Д. 5. Л. 46.
18. Там же. Оп. 2. Д. 347. Л. 7.
19. Там же. Д. 351. Л. 88 (об).
20. Там же. Л. 99.
21. Там же. Л. 134, 135.
22. Подробнее см.: *Содоль В.А.* Богослужебная деятельность православных монастырей МССР (вторая половина 40-х – начало 60-х гг. XX в.) // Сохранение культурного наследия в странах Европы. Материалы международной научной конференции. Кишинев, 2009. С. 296 – 300.
23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 686. Л. 8; НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 352. Л. 25 (об); Там же. Д. 355. Л. 8; Там же. Д. 362. Л. 23, 23 (об); Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 158.
24. *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е годы. М., 1994. С. 609.
25. АММ. Сведения о положении монастырей Кишиневско-Молдавской епархии по состоянию на 1 мая 1952 г. Л. 2 – 22.
26. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 345. Л. 77; Там же. Д. 364. Л. 120; Там же. Д. 356. Л. 91.
27. Там же. Д. 354. Л. 95.
28. Там же. Д. 351. Л. 212.
29. Там же. Д. 363. Л. 65.
30. *Puiu V, archimandritul.* Monăstirile din Basarabia. Vol. XI. Chișinău, 1919. P. 71.
31. АММ. Дело переписки с Жабским монастырем 1951 г. Л. 13
32. Там же. Л. 28.
33. Там же. Л. 52.
34. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 345. Л. 77; Там же. Д. 354. Л. 95; Там же. Д. 356. Л. 91; Там же. Д. 364. Л. 95.
35. Там же. Д. 346. Л. 49.
36. Там же. Л. 49; Д. 348. Л. 41; Д. 349. Л. 106; Д. 360. Л. 34.; *Пасат В.* Трудные страницы истории... С. 341.
37. АММ. Д. Рапорты о состоянии монастырей 1950 г. Л. 18 (об.); НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 347. Л. 84; Там же. Д. 351. Л. 213; Там же. Д. 354. Л. 46.

38. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
39. Там же. Л. 3.
40. Там же. Оп. 2. Д. 363. Л. 3.
41. Там же. Д. 349. Л. 123; Там же. Д. 355. Л. 36.
42. Там же. Д. 351. Л. 215.
43. Реакционная роль... С. 200, 201.
44. АММ. Дело переписки с Жабским монастырем 2/1953. Л. 54.
45. Там же. Дело Хировского монастыря 1950 г. Л. 28, 43; Там же. Дело переписки с Жабским монастырем 2/1953. Л. 81; НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 24. Л. 198; Там же. Оп. 2. Д. 347. Л. 89.
46. По данным иеромонаха Иосифа (Павлинчука), до 1953 г. было закрыто 12 монастырей, включая обители в с. Боканча, Кистолень, Веверица. См.: *Иосиф (Павлинчук)*. Указ. соч. С. 283.
47. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 26. Л. 380; Там же. Д. 29. Л. 163; Там же. Д. 33. Л. 66, 67, 86; Там же. Оп. 2. Д. 357. Л. 31; Там же. Д. 362. Л. 23 (об). Подробнее см.: *Содоль В.А.* Упразднение православных монастырей МССР в 1945 – 1953 гг.: роль внутрицерковного фактора // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2009. № 5 С. 245 – 251.
48. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 33. Л. 66, 67.
49. Там же. Оп. 2. Д. 362. Л. 18.
50. Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 380; Там же. Д. 33. Л. 67; Там же. Оп. 2. Д. 352. Л. 15; Там же. Д. 357. Л. 31; *Пасат В.* Трудные страницы истории... С. 343.
51. АММ. Дело 64/1953 О слиянии Курковского мужского монастыря Ор-геевского района.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 6991. Op. 2. D. 18. L. 95.
2. Tam zhe. L. 101.
3. Tam zhe. L. 117.
4. *Iosif (Pavlinchuk)*. Kishinevsko-Moldavskaya eparkhiya v period s 1944 po 1989 god. Novo-Nyametskiy monastyr', 2004. S. 219, 231, 295; GARF. F. 6991. Op. 2. D. 74. L. 4.
5. Istoriya Respubliki Moldova. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kishinev, 2002. S. 278.
6. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova (NARM). F. 3046. Op. 2. D. 351. L. 175; Tam zhe. D. 354. L. 20 (ob); Tam zhe. D. 356. L. 46.
7. GARF. F. 6991. Op. 2. D. 74. L. 4.
8. Tam zhe. D. 86. L. 16.
9. Tam zhe. D. 74. L. 4.
10. *Pasat V.* Trudnye stranitsy istorii. Kishinev, 2000. S. 340.
11. GARF. F. 6991. Op. 2. D. 74. L. 10.
12. *Iriney (Tafunya)*. Istoriya Svyato-Voznesenskogo Novo-Nyametskogo Kitskanskogo monastyr'ya. Novo-Nyametskiy monastyr', 2004. S. 94; *Iosif (Pavlinchuk)*. Ukaz. soch. S. 278, 279.

13. Arhiv Moldavskoy mitropolii (AMM). Delo Aglai Sherban. Pis'mo nastoyatel'nitse Koshelovskogo monastyrya igumen'e Pakhomii Daskal ot 10 aprelya 1953 g.

14. GARF. F. 3046. Op. 2. D. 74. L. 17.

15. Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii. Kishinev, 1969. S. 255.

16. NARM. F. 3046. Op. 1. D. 75. L. 53a.

17. Tam zhe. D. 5. L. 46.

18. Tam zhe. Op. 2. D. 347. L. 7.

19. Tam zhe. D. 351. L. 88 (ob).

20. Tam zhe. L. 99.

21. Tam zhe. LL. 134, 135.

22. Podrobnее sm.: *Sodal'* V.A. Bogosluzhebnyaya deyatel'nost' pravoslavnykh monastyrey MSSR (vtoraya polovina 40-kh – nachalo 60-kh gg. XX v.) [The liturgical activities of the Orthodox cloisters of the Moldavian Soviet Socialist Republic (last half 1940-ties – beginning 1960-ties)] // *Sokhranenie kul'turnogo naslediya v stranakh Evropy* [The preservation of the cultural heritage in the European countries]. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kishinev, 2009. S. 296 – 300.

23. GARF. F. 6991. Op. 2. D. 686. L. 8; NARM. F. 3046. Op. 2. D. 352. L. 25 (ob); Tam zhe. D. 355. L. 8; Tam zhe. D. 362. L. 23, 23 (ob); Tam zhe. Op. 1. D. 23. L. 158.

24. *Pasat V.I.* Trudnye stranitsy istorii Moldovy. 1940–1950-e gody. M., 1994. S. 609.

25. AMM. Svedeniya o polozhenii monastyrey Kishinevsko-Moldavskoy eparkhii po sostoyaniyu na 1 maya 1952 g. L. 2–22.

26. NARM. F. 3046. Op. 2. D. 345. L. 77; Tam zhe. D. 364. L. 120; Tam zhe. D. 356. L. 91.

27. Tam zhe. D. 354. L. 95.

28. Tam zhe. D. 351. L. 212.

29. Tam zhe. D. 363. L. 65.

30. *Puiu V., archimandritul.* Monăstirile din Basarabia. Vol. XI. Chișinău, 1919. P. 71.

31. AMM. Delo perepiski s Zhabskim monastyrem 1951 g. L. 13.

32. Tam zhe. L. 28.

33. Tam zhe. L. 52.

34. NARM. F. 3046. Op. 2. D. 345. L. 77; Tam zhe. D. 354. L. 95; Tam zhe. D. 356. L. 91; Tam zhe. D. 364. L. 95.

35. Tam zhe. D. 346. L. 49.

36. Tam zhe. L. 49; D. 348. L. 41; D. 349. L. 106; D. 360. L. 34.; *Pasat V.* Trudnye stranitsy istorii. Kishinev, 2000. S. 341.

37. AMM. D. Raporty o sostoyanii monastyrey 1950 g. L. 18 (ob.); NARM. F. 3046. Op. 2. D. 347. L. 84; Tam zhe. D. 351. L. 213; Tam zhe. D. 354. L. 46.

38. NARM. F. 3046. Op. 1. D. 2. L. 3.

39. Tam zhe. L. 3.

40. Tam zhe. Op. 2. D. 363. L. 3.

41. Tam zhe. D. 349. L. 123; Tam zhe. D. 355. L. 36.

42. Tam zhe. D. 351. L. 215.
43. Reaktsionnaya rol'... Ss. 200, 201.
44. AMM. Delo perepiski s Zhabskim monastyrem 2/1953. L. 54.
45. Tam zhe. Delo Khirovskogo monastyrya 1950 g. L. 28, 43; Tam zhe. Delo perepiski s Zhabskim monastyrem 2/1953. L. 81; NARM. F. 3046. Op. 1. D. 24. L. 198; Tam zhe. Op. 2. D. 347. L. 89.
46. Sm.: *Iosif (Pavlinchuk)*. Ukaz. soch. S. 283.
47. NARM. F. 3046. Op. 1. D. 26. L. 380; Tam zhe. D. 29. L. 163; Tam zhe. D. 33. L. 66, 67, 86; Tam zhe. Op. 2. D. 357. L. 31; Tam zhe. D. 362. L. 23 (ob). Podrobnее sm.: *Sodol' V.A.* Uprazhdenie pravoslavnykh monastyrey MSSR v 1945–1953 gg.: rol' vnutritserkovnogo faktora [The influence of monastic activities on the abolishment of the orthodox cloisters in the Moldavian Soviet Socialist Republic in 1944–1953] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhby narodov* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series Russian history.]. 2009. № 5 S. 245 – 251 [in Russian].
48. NARM. F. 3046. Op. 1. D. 33. L. 66, 67.
49. Tam zhe. Op. 2. D. 362. L. 18.
50. Tam zhe. Op. 1. D. 26. L. 380; Tam zhe. D. 33. L. 67; Tam zhe. Op. 2. D. 352. L. 15; Tam zhe. D. 357. L. 31; *Pasat V.* Trudnye stranitsy istorii. Kishinev, 2000. S. 343.
51. AMM. Delo 64/1953 O sliyanii Kurkovskogo muzhskogo monastyrya Orgeevskogo rayona.

Содоль Вячеслав Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Sodol' Veacheslav - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru